

ИКОШВИЛИ ДАНИКО

РЕАЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА 19 ВЕКА

Данико Ихшвили
Реальность человека 19 века.
Мир прошлого из впечатлений
и мнений современников

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48507588
ISBN 9785005069238

Аннотация

Впервые на русском языке – эмоции, мнения и впечатления людей, посещавших в 19 веке такие страны, как Австралия, Индия, Япония и так далее. Книга для тех, кому интересны путешествия, история, обычаи разных народов и оценка знаковых событий.

Содержание

Австралия	6
Общество	6
Туземцы	14
Динго	21
Заметки из экспедиций	26
Впечатления ранних путешественников	26
Продукт колоний	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

**Реальность
человека 19 века
Мир прошлого из
впечатлений и мнений
современников**

Данико Ихошвили

Редактор Данико Ихошвили

Переводчик Данико Ихошвили

Дизайнер обложки Данико Ихошвили

© Данико Ихошвили, 2019

© Данико Ихошвили, перевод, 2019

© Данико Ихошвили, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-6923-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Австралия

Общество

Многие века старый мир терпел бездеятельное общество ради его мелких заслуг перед изящными искусствами (которым же и покровительствовал), перед торговлей (который поддерживал), и изяществом (бывшим едва ли не целью старого мира). Однако новый мир преклоняется лишь перед мужеством, самоотречением, работой, перед сознанием исполненного долга и терпит только такое общество, которое может гордиться своим участием в прогрессе страны.

Тем не менее, в Австралии, обязанной мужественным пионерам, с изборожденными морщинами лицами от работы и страданий, с руками, сожженными солнцем, своим существованием и будущим, вы встретите господ, которые хвастаются тем, что они и пальцем не дотрагиваются до дела, паразитов, которые превосходят бездельников старого мира и в жизни которых нет другой цели, кроме как достигнуть права принадлежать к известному обществу, к известному свету, к тому или другому набору...

Господа эти, наследовавшие богатства, добытые тяжким трудом и жизнью, полной отречения, считают позорным для себя выпить стакан превосходного местного вина. Они отка-

зывались слушать знаменитую певицу Мельба, потому что она уроженка Австралии, когда она была на родине, а теперь охотно заплатят по сто франков за кресло, чтобы услышать эту певицу в Мельбурне или Сиднее, так как эта дива стала европейской.

Общество колоний ровно ничего не имеет оригинального, оно довольствуется копированием лицемерия и всех сумасбродств старого британского общества. Здесь, на юге, вы встретите продажность, обожание золотого тельца и так далее, или лицемерие в еще более чудовищных масштабах, чем в Англии, и я могу гарантировать, что скверно сшитое платье скорее закроет вам здесь двери общества, чем сомнительная репутация, и вам простят много ошибок, если вы, пожимая руку хозяйки дома, подымите локоть до высоты подбородка... идеал австралийской светской ловкости... А женщины, женщины здесь с их наборами платьев и аксессуаров... Я помню двух дам, с которыми познакомился в Мельбурне, а потом встретился в Аделаиде, куда они переехали.

– Ну, как вам кажется Аделаида? – спросил я.

– О! мы еще не совсем устроились и мало еще получили визитов, но, очевидно, что мы будем здесь иметь возможность пользоваться лучшим обществом... Знаете, сущность жизни, это быть в избранном обществе в правильном наборе!

Этот фарс разыгрывается и в самых ничтожных городишках, – там также имеется свой свет... В городишке с двумя

тысячами жителей я познакомился с дамой, в разговоре с которой упомянул, что в Сиднее был знаком с бывшей жительницей их города, и, назвав ее, спросил:

– Вы, конечно, знакомы с нею?

– Да! – отвечала она, как бы разыскивая в памяти это имя, – по имени я ее знаю, но... мы принадлежим к разным обществам!

Эта избранная колонистка была супругой местного мастера жестяных дел...

– Эти лавочницы становятся нетерпимыми, они всюду пролезают! – говорила мне другая дама, отец которой был огородником в предместье Мельбурна.

Дамы этого курьезного общества рекламируют себя похуже продавцов мази для наращивания волос... Когда они дают обед, вечер или бал, ими рассылаются приглашительные билеты в газеты, дабы репортеры могли видеть и описать в деталях их торжественный прием. Таким образом в Австралийских газетах вы находите целые столбцы, посвященные туалетам, именам гостей на таком-то обеде или вечере и меню этих обедов.

Их портреты в декольте с подписанными именами выставляются в витринах фотографов. Увидав подобное в Париже, француз, наверное, спросил бы: «почему же нет адреса?».

В каждом большом Австралийском городе существует от шести до десяти так называемых светских газет и журналов, которые живут снобством, этим противным английским

чудаществом.

Бог нам простит, мы имеем другие недостатки и пороки, быть может, но даже лютые наши враги не скажут, что мы культивируем это чудащество и что во Франции изобилуют эти якобы светские журналы. Нас не интересует знать, что «Мисс Браун в среду танцевала у мисс Робинсон», а «Мадам А... была великолепной, в ее розовом платье на обеде у Мадам В¹...»

Наши женщины, слава Богу, и более скромны, и более серьезные. Не только во Франции не позволять им афишировать свои портреты в витринах фотографов, но даже в салоне (на художественной выставке) вы не увидите в каталогах имен тех дам, чьи портреты, кисти знаменитых Bounat или I. Durant, выставлены здесь... На бульварах, правда, вы увидите выставленные портреты актрис с их именами, но это дело другое, – театральная профессия требует рекламы².

Снобство не самая характерная черта австралийцев: она принадлежит англосаксонской расе и лишь чрезмерно раз-

¹ Здесь Макс О'Релль несколько увлекается, потому что, чтобы далеко не ходить, «Figaro» и «Journal», не говоря уже об «Monde elegante» посвящают немало столбцов этим интересным новостям. Если кто может гордиться пока отсутствием этого рода прессы, то только мы, русские.

² В Лондоне, в витринах фотографов и эстампных магазинов выставляются портреты «beauties», профессиональных красавиц, причем не ограничиваются театральным миром, – и рядом с шансонетными певицами вы видите портреты жен лорда Лондондери, герцога Портлендского, графини Варвик и т. д. Они очень популярны, красотой все восторгаются, но грязных мыслей никому в голову не приходит.

вилась в колониях, – вы встретите эту черту в Англии, Канаде, в С. Штатах, везде, где говорят на английском языке и везде в этих странах светские журналы изобилуют.

В особенности курьезно и занимательно то, что эти журналы англосаксонского общества приняли на себя тон цензурного поведения и каждый из них изображает собою еженедельного Ювенала, льстя своим абонентам, давая отчеты о всем том, что происходит в их домах, сопровождая все это такими деталями, от которых покраснела бы хозяйка дома, уважающая себя.

Признаюсь, мне надоело слышать о скромности англосаксонских женщин, которую возносят до небес. У меня уши вянут. На базарах, устраиваемых в Англии и ее колониях, с целью сбора денег на покупку органа для церкви или устройства колокольни, я видел дам и девиц, державших себя назойливее торговок...

В больших Австралийских городах я видел много женщин, в полном смысле слова, красавиц, прекрасно сложенных, с формами не слишком развитыми, но здесь я видел столь фривольных женщин, что это трудно себе представить. Балы, обеды, вечера, посещение садов и теннисных лужаек, вот цель, и единственное занятие их жизни. Оригинальности ни малейшей. Разговор их не имеет ни материала, ни интереса, ни естественности. Общественная жизнь не имеет ни изысканной элегантности, ни полной остроумия жизненности Парижа, ни интеллектуального воодушевления Нью-

Йорка или Бостона. Это скупа, замаскированная весельем. Мужчины говорят о финансах, шерсти и овцах, женщины говорят о скандалах, сплетничают и спорят о том, принадлежит ли мадам такая-то к свету или нет.

В Гобарте (в Тасмании) еженедельная газетка, узнав, что я много лет был профессором в Высшей школе св. Павла в Лондоне, вздумала меня оскорбить, назвав «ancien rion»: «бывший классный надзиратель» (вместе с тем «старая пешка»). Такое оскорбление больше тем, кто его произносит, чем кому оно адресовано. Это единственное, что я не понял... Альфонс Доде в «тридцать лет в Париже» хвастается тем, что он был классным надзирателем, я бы мог также этим гордиться... если бы был им. Бедный идиот! Жалкий Сноб!

Поместите двух англичан на необитаемом острове и через некоторое время один из них заявит, что дед его был намного важнее деда его компаньона, он образует аристократию на острове, и, быть может, начнет издавать светский журнал, который будет описывать его факты и дела.

Большая часть этого светского общества, в англосаксонских странах в особенности, проводит почти все свое время в отыскивании предков и фабрикации генеалогических деревьев, корни которых должны брать начало по меньшей мере в средних веках. Австралийцы этого не делают... как и все представители рода человеческого, они тоже имеют предков, но... многие из них предпочли бы их не иметь. Происхождение их из Нового Южного Уэльса или Тасмании такое чув-

ствительный вопрос, которого касаться не следует. Вольтер сказал, что человек должен быть очень заботливым в выборе себе предков, австралийцы же не следуют этой мудрой рекомендации, ибо, как известно, первые колонисты Нового Уэльса и Тасмании были каторжниками... Таким образом, австралийцы в генеалогии своей интересуются лишь двумя предшествовавшими им поколениями.

Джордж стрит. Сидней, 1883
Alfred Tischbauer

Тем не менее, не следует забывать, что 60—70 лет тому назад Англия отправляла в каторгу в Австралию, нередко положительно честных людей за преступления, который ныне наказываются арестом на несколько дней, или штрафом в несколько шиллингов. Несмотря на это, факт остается фактом.

Сиднейская аристократия основалась вся в окрестностях города, на холмах, господствующих над красивейшим рей-

дом в мире. Эти элегантные городки называются Поттс-поинт, Дарлин-поинт и т. д.

Дарлин-поинт (дорогая стрелка) – это место шикарное... Как раз напротив расположен остров Кокату, где помещались в прежнее время предки этих аристократов – каторжники, – это место чувствительное.

Ботани-Бей (знаменитое место каторги) не существует уже давно, – вместо него имеются Элизабет-Бей, Роза-Бей и другие изысканные кварталы, где живут люди, радушия которых я никогда не забуду.

Решим попросту, что австралийцы не имеют предков совсем... Мы приближаемся к столетию, когда людей будут судить по их заслугам, а не по их предкам... даже в Англии.

Так как я говорил, что встречал в колониях прекрасных людей, любезных и образованных, насколько может этого желать наилучшее Европейское общество – я надеюсь, что глава эта не будет принята скверно. И вы, милостивые государыни, читая главу эту там, в Сиднее, или в Мельбурне, не принимайте ничего по своему адресу, так как, конечно, я не вас описывал...

Джон Булль и его колонии

О«Релль Макс. Пер. с англ. Л. А. Богдановича

Туземцы

На закате навстречу нам шла группа из двух десятков черных туземцев, которые, видимо по привычке, несли охапку копий и других орудий. Я дал одному из молодых людей шиллинг, что шел впереди, и туземцы стали метать дротики чтобы меня развлечь. Они все частично одеты, а некоторые немного могли говорить по-английски: их лица были добродушны и приятны, и казались не такими, как обычно изображались. В своем искусстве они были изумительны.

Шляпу, подвесив на высоте 30 ярдов³, они пробили дротиком с быстротой стрелы, пущенной из лука профессиональным лучником. При выслеживании животных или людей они показывали прекрасную прозорливость, и я слышал некоторые их замечания, которые показывают их особую остроту ума. Тем не менее, они не желают обрабатывать землю, строить дома и вести оседлый образ жизни, или даже взять на себя заботу ухаживать за стадом овец, если бы им их дали.

Количество коренного населения быстро уменьшалось. За всю поездку, за исключением некоторых мальчиков, воспитанных англичанами, я видел только одну-другую группу туземцев. Это снижение, несомненно, связано с ввозом спиртных напитков, европейских болезней (даже достаточно

³ 30 ярдов = ~27 м.

мягкие из них, например, корь, могут быть очень губительными) и постепенным исчезновением диких животных.

Где бы ни появлялись европейцы, смерть, кажется, преследует коренное население. Мы можем посмотреть на обширную территорию Америки, Полинезии, мыса Доброй Надежды и Австралии, и мы видим тот же результат.

От такого места, как Голубые горы, я ожидал увидеть цепь гор, пересекающих страну, а вместо этого увидел лишь равнину под уклоном, несколько подымавшуюся над низиной возле побережья. С этого склона открывается вид на обширные леса на востоке, деревья мощные и высокие.

Перед поездкой сюда меня интересовали три вещи: состояние высших классов общества, положение осужденных, и уровень жизни, достаточная для того, чтобы люди эмигрировали сюда. Разумеется, после столь короткого визита, мое мнение почти ничего не будет стоить, но и не высказаться будет такой же ошибкой, как неправильное суждение. В целом, состояние общества меня разочаровало, если исходить из того, что я услышал и увидел. Община разделяется на враждующие партии практически по каждому вопросу. Среди тех, кто имеет высокий статус, многие живут в таком открытом распутстве, что уважающие себя люди не могут с ними общаться.

Между детьми разбогатевших каторжников и свободным поселенцами присутствует постоянное соперничество, и первые рассматривают честных людей как незваных го-

стей. Все население, как бедные, так и богатые, стремятся разбогатеть. Среди высших слоев населения овцеводство и шерсть являются постоянным предметом разговоров. Есть многие недостатки в семейной жизни, главное из которых, по сути, жизнь в окружении слуг-преступников. Насколько это должно быть отвратительно, когда Вас обслуживает слуга, который еще вчера был высечен, по вашим же словам, за пустяковый проступок. Женщины в прислуге еще хуже, дети выучиваются от них самым отвратительным выражениям, и повезет, если не таким же мыслям.

С другой стороны, частный капитал приносит здесь куда большую прибыль без всяких хлопот, не в пример Англии, и, постаравшись, разбогатеть можно.

Предметы роскоши имеются в изобилии, и они немного дороже, чем в Англии, а большинство продуктов стоят дешевле.

Город Сидней, 1888
M.S. Hill
(разворот, левая часть)

Город Сидней, 1888

M.S. Hill

(разворот, правая часть)

Климат великолепный и совершенно здоровый, но, на мой взгляд, его прелести теряются в непривлекательности стра-

ны. В целом, как место для наказания, страна едва ли подходит, как реальная система исправления она провалилась, возможно, как и любая другая система; но как средство заставить людей выглядеть внешне честно – превратить бродяг, бесполезных в одной сфере, в активных граждан в другой сфере, и таким образом создать новую великолепную страну, великий центр цивилизации, она преуспела в большой степени, возможно, не уступающей себе равной в истории.

На другой день я поднялся на гору Веллингтон, на этот раз я с собой взял гида, поскольку в предыдущий раз я не смог подняться самостоятельно, здесь очень густой лес. Однако, наш гид оказался очень глупым, он повел нас к южной и влажной стороне леса, где растительность более густая, и где сложность восхождения, от большого количества гнилых стволов, была почти такой же сложной, как и на гору на Огненной Земле или в Чилое. Прежде чем мы достигли вершины, прошло пять с половиной часов упорного труда.

Во многих частях леса эвкалипты выросли до огромных размеров и образовали благородный лес. В некоторых самых влажных оврагах папоротники произрастали необычно сильно, я видел, как один из них был высотой минимум двадцать футов⁴ до основания листьев и был в объёме ровно шесть футов⁵. Листья, образующие что-то вроде элегантных зонти-

⁴ 20 футов = ~6 м.

⁵ 6 футов = ~1,8 м.

ков, отбрасывали тень мрачного оттенка, похожего на первый час ночи.

Вершина горы широкая и плоская, состояла из огромных угловатых масс голого зеленого камня. Ее высота составляет 3100 футов⁶ над уровнем моря. Была великолепная ясная погода, и мы наслаждались прекрасным видом, на севере страна состояла во многом из покрытых лесом гор, выстой, примерно, как и гора Веллингтон, на которой мы стояли, и с такими же очертаниями; на юге виднелась четкая береговая линия, со множествами заливов.

*История натуралиста в кругосветном путешествии.
Дневники исследований естественной истории и геологии
стран, посещенные во время кругосветного плавания
на «Бигле», корабле Ее Величества
Чарльз Дарвин*

⁶ 3100 футов = ~944 м.

Динго

Среди животных выделяется местный вид собак – динго. Глядя на них в зоопарках или зоопарках тяжело себя заставить поверить, что они дикие животные. Однако они настолько дики, что редко когда получается их одомашнить. Такой трюк изредка бывает успешным с черными динго, которых взяли в возрасте нескольких дней отроду.

Но как правило, даже тогда люди терпят неудачу.

Во время попыток их приручения было обнаружено, что природа со временем будет возобладать над самым тщательным одомашниванием, и динго вернется в лес, проявит родные привычки.

Лисы всегда выглядят как, будто они напакостили; у волков будто вообще нет совести, и они ничего не хотят, так как это может оказаться для них ужасным. Динго же выглядят так, будто совесть им и вовсе не нужна, они такие невинные, совершенно чистые в своих намерениях, такие ласковые. Посмотрите на него, и поймите, не является ли это его фальшивым характером, поскольку его лицо обеспокоено. И все же среди лицемерных мошенников, он, безусловно, первый из трех. Он хитрее лисы. Его набеги на овец и птиц австралийского фермера настолько велики, что правительство некоторых из колоний предлагает тридцать шиллингов (около 7 долларов США) за скальп.

Известно, что один или два динго убивают до сорока овец за ночь.

Похоже, что убийство доставляет им удовольствие, потому что они очень редко едят своих жертв. Они настолько хитры, что почти бесполезно ставить для них ловушки. Их обоняние настолько острое, что люди, которые пытаются подложить отравленное мясо, вынуждены делать это вилкой, иначе они не дотронутся до него, если на нем есть запах человека. Вы не сможете обмануть их, особенно там, где белый человек успел показать себя врагом.

Он не лает, а его крик похож на шакалий. Некоторые утверждают, что динго и шакал являются одним видом, однако это еще не доказано.

Некоторые утверждают, что динго не уроженец Австралии, потому что не сумчатый, как все пушные звери Австралии. Те, кто знаком с естественной историей острова-континента, считают их местными, и поэтому вопрос должен быть изучен.

Сэр Томас Митчелл, говоря о делах и попытках туземцев приручить скот, говорит, что местные женщины часто кормят их, одновременно занимающихся детьми, и нет ничего необычного, если вы видите женщину с ребенком на одной груди и молодой собакой на другом.

Эта доброта по отношению к тем, кого они пытаются одомашнить, не мешает им убивать диких динго при любом удобном случае.

Когда динго попадает в ловушку, его убивают, бросают в огонь и устраивают пения. Затем его вытаскивают и запекают в печи из камней. Туша покрывается корой, либо травой и землей. После двух или более часов готовки его можно есть.

Г-н Керр говорит: «Австралийский динго не желает быть смелым. Когда его поймают, он нападет на человека и покажет всю ярость сторожевого пса. Он не похож на овчарку, но похож на лису, а в ярости имеет волчий характер. Взрослый, довольно сытый динго имеет рост около двух футов и длину два фута шесть дюймов. Его голова похожа на голову лисы, уши прямые, но не длинные. Цвет варьируется от желтовато-коричневого до рыжевато-коричневого, становится светлее к животу, а кончик его хвоста, как правило, белый. У него есть привычка переворачивать голову через плечо, когда смотрит на возможного врага, похоже на лису».

Возвращаясь к вопросу о том, считать ли динго уроженцем Австралии: во время погружения в воду около Тауэр-Хилла в западной части Виктории были найдены не только кости и черепа динго на глубине многих футов под поверхностью, но и под сине-желтой глиной. А на озере Тимбун были найдены кости дикой собаки с костями тасманского дьявола (*sarcophilus ursinus*), ныне вымерших на большой земле, и найденных только в Тасмании.

Вне всякого сомнения, когда-то динго был современником ныне вымершего сумчатого льва, который в былые вре-

мена бродил по лесам Австралии.

Мне рассказали забавную историю, в которой фигурировал динго, и я предлагаю ее на случай, если она покажется вам полезной. В одном из городов Нового Южного Уэльса был восторженный читатель Библии, который утверждал, что в нашей повседневной жизни нет ничего, что не было описано или проиллюстрировано каким-либо отрывком из Библии. Его друзья подшучивали над этим, но его нельзя было поколебать.

Однажды он пришел на пляж, чтобы искупаться в море, и принес с собой бутерброд, который он обернул (чтобы избежать высыхания под палящим солнцем) в свою рубашку и убрал одежду в пакет, затем спустился на несколько десятков метров к берегу и, сняв свои штаны, окунулся. Пока он плавал, динго спустился с куста на холме, и унюхав еду, вытащил ее. Когда он вышел из воды, то не нашел часть своей и смог лишь прикрыть самые нужные места. Он громко голосил, пока, наконец, кто-то пришел к нему на помощь.

Когда он рассказал об этом случае некоторым своим друзьям, они сказали:

– Теперь, Джон, ты не сможешь найти отрывка из Библии для этого случая.

– О, – сказал он, – я думаю, что должно быть.

Ему ответили, что это совершенно невозможно, в Библии не может быть ничего подобного.

– Ну, – сказал он, – дай мне немного подумать. О, я нашел.

Ашер шел вдоль берега и предвкушал фиаско друга.
– Песнь Деворы, в Книге Судей, – ответил Джон.

В Австралию и домой

Лукас Дэниел Вэннорман

Заметки из экспедиций

Впечатления ранних путешественников

Собственно говоря, Австралия является островом, но настолько крупным, что его нельзя сравнить с любым другим островом на земном шаре, и поэтому, чтобы дать верное представление о нем, он классифицируется как континент. Протяженностью от 115 до 153 градусов восточной долготы, и от 10 до 17 градусов южной широты, Австралия составляет в среднем 2700 миль в длину и 1800 в ширину⁷; словно сбалансированная в своем полушарии, Австралия размещается под экваториальным жаром с одной стороны, и освежающей прохладой умеренного пояса с другой стороны.

На первый взгляд можно посчитать, что этот обширный участок земли должен обладать более чем обычными преимуществами; что его реки будут пропорциональны его размеру; и что здесь будет в изобилии средств производства для тропических и умеренных регионов. Такое мнение распространено у тех, кто только впервые коснулся южных берегов, но не у тех, кто за несколько дней отошел от великолепия и разнообразия растительности, да восхитительной мягкости климата.

⁷ 2700 миль = ~4350 км.; 1800 миль = 2900 км.

Однако, то место, что показалось капитану Куку и сэру Джозефу Бэнксу раем, было брошено ранними поселенцами как непригодное для жизни; также страна в основном была нужна для достижения оптимистичных идей тех выдающихся деятелей, что до сих пор изучали местность по мере сил.

Продукт колоний

Основным продуктом наших австралийских колоний, но в особенности Нового Южного Уэльса, климат и почва которого особенно подходят, является тонкая шерсть. Не может быть никаких сомнений в том, что рост этого направления в основном способствовал процветанию вышеупомянутой колонии и Земли Ван Димена.

В конце прошлого века шерсть завозилась в Англию из Испании и Германии, а несколько лет назад стала завозиться только из Испании. В самом деле, долгое время после своего появления немецкая шерсть не пользовалась популярностью на лондонском рынке; можно предположить, что не пройдет много лет, прежде чем возросший импорт шерсти из наших собственных владений в южном полушарии сделает нас в отношении этого товара независимыми от любой другой части мира. Успехи современной навигации таковы, что затраты на отправку шерсти на рынок из Нового Южного Уэльса меньше, чем из любой части Европы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.